

Таблица 1

Социально-структурные идентификации в России и Польше

2-4. Идентификации с социально-структурными общностями в России и Польше

О. А. Оберемко

Ослабление социально-классовой солидарности было зафиксировано в исследованиях «новых социальных движений» уже более четверти века назад. Новые коллективные акторы формируются не на идеологической, а на pragматической основе и ставят перед собой не политические, а гражданские цели¹. Однако некоторые авторы продолжают утверждать, что потеря классовых идентичностей — не более чем временный «кризис репрезентативных форм и определенных практик классовой борьбы»².

Проведенные в России и Польше опросы показали, что самоописания в классовых терминах уступали в популярности стратификационным, профессиональным и корпоративным идентичностям (табл. 1). Приоритетной в обеих странах оказалась идентификация по достатку, в которой отражается представление об общественном неравенстве как о непрерывном континууме³. Это свидетельствует о легитимации экономической разметки социального пространства и об усвоении индивидуалистически-материалистических ценностей рыночного общества. Идентификация с «людьми того же достатка» предполагает развитое экономическое мышление: готовность выделять из общества равных себе по благосостоянию предполагает, прежде всего, навыки более или менее точной калькуляции и распознавания образов на основе количественных сравнений⁴. Похоже, в обеих странах возобладало экономическое мышление над политическим — классовым.

Группы и общности	Россия			Польша		
	Часто	Иногда	Никогда	Часто	Иногда	Никогда
С людьми того же достатка	79,7	16,3	1,1	54,3	36,3	2,2
С людьми той же профессии	64,0	22,9	5,8	41,0	35,5	11,6
С товарищами / коллегами по работе	61,1	20,9	7,8	42,2	29,7	12,2
С теми, кто оказался бедным	41,3	37,7	13,1	36,0	45,4	8,0
С теми, кто считает себя наемными работниками	38,1	28,6	16,2	20,1	40,7	20,5
С теми, кто занимается собственным бизнесом	30,1	35,5	22,8	9,2	29,7	42,4

Если «исчезновение классов» связывают с «концом “больших” идеологий», то профессиональные и корпоративные идентичности не только никуда не исчезли, но оказались в числе наиболее популярных. Эту популярность нельзя объяснить только тем фактом, что на смену одной «большой» пришли «малые» корпоративные идеологии под вывеской организационной культуры. В российской выборке было 49% постоянно занятых, в польской — 42%, а выбравших позитивную идентификацию (часто + иногда) с профессией и коллегами по работе оказалось существенно (в 1,7–1,9 раза) больше.

В данной главе исследуется значение социально-структурных самоидентификаций. При анализе использовались три вида показателей: (1) показатели объективного статуса (с точки зрения стороннего наблюдателя)⁵ — ответы на вопрос паспортчики

со стандартными закрытиями; (2) Мы-определения⁶ и (3) Я-определения⁷. Содержательно субъективные самоидентификации подразделялись на социально-классовые (наемные работники и предприниматели), стратификационные (бедные, того же достатка) и корпоративные (коллеги, работники предприятия).

Социально-классовая разметка в опросном инструменте

Надо признать, что в опросном инструменте классовый подход был представлен «мягкой» оппозицией «наемные работники» и «те, кто занимается собственным бизнесом».

Отождествление «наемных работников» с трудящимися массами, «старым» рабочим классом организованно противостоящим «хозяевам жизни» — собственникам на средства производства, вполне возможно⁸. Однако с этой трактовкой конкурирует представление о пролетаризации конторских работников, а также специалистов (интеллигенции) и даже менеджеров⁹. Концептуальное нововведение не отменяет структурной противоположности интересов, однако затрудняет установление эмпирического референта «наемного работника».

Вторая формулировка по своей корректности граничит с эвфемизмом, а потому в ходе интервью она *не обязательно* могла отождествляться с «хозяевами жизни», и тем более с господствующей «новой верхушкой общества», которая «приобрела достаточную стабильность и специфическое самосознание, закрылась для пришельцев извне, что позволяет рассматривать ее как правящий класс «для себя»»¹⁰.

«Занятие собственным бизнесом» — понятие слишком растяжимое для уверенности, что под ним понимается хотя бы средний класс, а не более низкие страты. Это касается и Я-определения «предприниматель». В ситуации опроса так может себя квалифицировать и редкий представитель большого бизнеса, и работающий по контрактам профессионал, и представитель «старого» среднего класса, и самозанятый индивидуал¹¹, и даже наемный работник, имеющий побочный бизнес, в котором он может выступать как относительно автономный субъект эко-

номической деятельности, нанимающий рабочую силу. Даже в теоретических работах в семантическом поле «функций предпринимателя» понятию собственности (и тем более эксплуатации) отечественные авторы отводят маргинальное положение. В центр помещаются такие понятия, как инициативность, способность брать на себя риск и эффективно управлять наличными ресурсами, находить и создавать новые ресурсы (инновационность). К предпринимателям относят и руководителей крупных производств, и владельцев мелких фирм¹²; далеко не всегда между предпринимателями и собственниками ставится знак равенства¹³. Кроме того, «принципиальные различия (курсив.— О.О.) между группами предпринимателей связаны с масштабами и сферой хозяйствования, его техническим и организационным уровнем, происхождением капитала и характером опорных воспроизводственных связей»¹⁴.

Проведенный в 2004 г. коллективом ИКСИ опрос россиян обнаружил неоднозначный и противоречивый образ «типичного предпринимателя» в общественном мнении: «нельзя сказать, что в сознании людей существует какая-то более или менее единообразная... картина. Причем, яснее и последовательнее всего на выбор ответов [характеризующих «типичного предпринимателя» — О.О.] влияет возраст опрошенных»¹⁵. В серии фокус-групп, проведенных Центром политических разработок в конце 1990-х гг., обнаружилась «размытость социальных границ. Людям сложно было определить, кто такие предприниматели... Во время обсуждения часто звучал ответ, что сейчас все — предприниматели, все «круятся»»¹⁶.

Польские авторы наряду с крупным бизнесом к числу собственников и предпринимателей относят лавочников, лоточников, уличных торговцев с весьма скромными доходами¹⁷. В изданном в 2001 г. докладе об экономическом положении Польши написано: «Широкое общество владельцев малого и среднего бизнеса представляет собой еще нестабильное образование. Многие предприятия малого бизнеса учреждаются лишь для того, чтобы через некоторое время исчезнуть. В отличие от бизнес-класса, занявшего достаточно определенное положение, класс мелкой буржуазии размещался в самых различных стратах социальной структуры. По таким характеристикам, как доход, обра-

зование и престиж, предприниматели «среднего уровня» находятся на низких позициях¹⁸.

В то же время классическое противопоставление труда и капитала остается важным элементом в разметке социального пространства, однако в постсоветских странах экономическое противопоставление совсем не обязательно отражает антагонистическую поляризацию. Пример этому мы находим в исследовании, проведенном в Украине. Предприниматель в сфере промышленного производства в интервью следующим образом охарактеризовал свое отличие от наемных работников: «Зарплату я не получаю, а зарабатываю деньги себе сам». Высокая оценка своего материального положения по 10-балльной шкале не помешала этому человеку дать низкую оценку своего социального статуса и тем самым дистанцироваться от господствующего класса.

И.: Если еще раз вернуться к социальной «лестнице», то на какой ступени Вы могли бы себя позиционировать?

P.: По социальному самочувствию — 2, а по личному — 8–9.

И.: Что Вы имеете в виду под двойкой?

P.: Я имею в виду общественную значимость той группы, к которой я принадлежу (класс предпринимателей). Она, на мой взгляд, находится на отметке 2.

И.: Почему?

P.: Ну, вот такое у меня ощущение.

И.: А кто же тогда выше?

P.: Выше? Могу объяснить. Вот 3–4–5 занимают различные категории чиновников и, скажем, низшие ранги в силовых структурах. 6–8–9 — это директорат промышленных предприятий, последнее время, как правило, наемный, т. е. менеджеры высокого уровня. А 9–10 — это политическая и силовая элита. А на единице находится 90 % населения, которое вообще не имеет никакого влияния на общественные процессы...»¹⁹

Этот пример показывает правоту Э. Райта, который утверждает, что в современных обществах оппозиция «предприниматели — наемные работники» схватывает только традиционную, основанную на владении собственностью эксплуатацию и не улавливает эксплуатацию управленческую, властную²⁰. Таким образом, используемая в опросах оппозиция «наемные ра-

ботники — те, кто занимается собственным бизнесом» едва ли отражает социально-классовое деление.

Для измерения Я-определений использовалась модернизированная сталинская трехчленка: *рабочие, крестьяне, интеллигенция и предприниматели*. Поскольку даже в эпоху советской классики при ее использовании из анализа выпадали фактические распорядители процессами производства и перераспределения общественного продукта²¹, трехчленка была малопригодна и для теоретического анализа структуры советского общества, и для решения практических задач социального управления²². Взамен она выполняла мифологическую функцию и была успешно внедрена в общественное сознание. Массовые опросы постсоветского периода показывают, что закрытия «рабочие», «крестьяне» и «интеллигенция» многими респондентами по-прежнему используются для самоотнесения к социальным слоям и хорошо воспроизводятся даже при ответе на открытые вопросы²³. Таким образом, набор «рабочий, крестьянин, интеллигент и предприниматель» представляет собой синкетическую, слабо специфицированную по роли в общественном разделении труда типологию дискретных²⁴ групп — псевдоклассов²⁵. Достоинство этой типологии заключается не столько в теоретической чистоте и современности, сколько в привычности для респондентов.

Теперь рассмотрим распространность классового самоотнесения, опираясь сначала на «объективные» категории занятости (согласно ответам на вопрос паспортички), а затем среди идентификационных групп.

Объективный статус занятости и классовое самосознание

Итак, предлагавшиеся в опросе термины для классовой идентификации имеют противоречивые теоретические толкования, что вполне соответствует переходному состоянию социальной структуры в исследуемых обществах. Хотя утверждение о том, что в условиях социальных трансформаций «функции формирующихся групп еще *a priori* не могут быть ясны, так как (курсив. — О.О.) не ясен еще до конца ... тип формирующегося

общества», представляется радикально функционалистским, верно то, что рассмотрение «процессов социальной мобильности в условиях реструктуризации социальных групп неизбежно приводит... к смещению внимания с социальных институтов и социальной системы в целом к актору», поскольку малопродуктивно видеть в индивидах «элементы социальной системы, детерминирующей их действия через место в системе в целом»²⁶.

В переходном обществе происходит «резкое усиление индивидуализации личных судеб, ослабление их зависимости от принадлежности... к большим социально-профессиональным формализованным группам». В таком обществе «проблема коллективной идентичности не может быть сведена к набору статистических данных о доходах, профессиональных и тому подобных характеристиках [...] и центральным моментом идентичности... класса следует полагать характеризующий индивидов [определенной] группы комплекс представлений о социальной реальности и их месте в ней — представлений, регулирующих их жизненную активность и специфичной именно для данной страты, в той или иной степени отличающей ее от остальных слоев общества»²⁷.

Одновременно в эпоху индивидуализации парадоксальным образом повышается роль групповой принадлежности, поскольку ««независимый индивид» более обезличен, чем человек, представляющий какую-то группу. В составе группы... его позиция определяется более конкретно в отношении к представителям других групп (классов, слоев). Он не просто удовлетворяет потребности, но воспроизводит границы, по отношению к которым происходит его идентификация. И когда мы от абстрактного индивида переходим к исследованию типологических групповых характеристик экономического действия, выясняется, что эти группы разными способами преследуют разные цели, являя неодинаковую степень «рationalности»»²⁸.

Из сказанного следует, что кристаллизовавшиеся в ином контексте «объективные» социальные статусы в условиях трансформации перестают привычным образом детерминировать выбор индивидом собственного места в пространстве социальных общностей. Ареалы распространения представлений о социальной структуре и о том месте, которое в ней отводят себе индивиды, меняются, и вместе с тем меняются шансы на воспроиз-

водство межгрупповых (межклассовых) границ. Для стороннего наблюдателя (например, структурного функционалиста) это выглядит как «расогласование» между объективно занимаемыми и субъективно определяемыми статусными позициями.

Данные российского опроса все же показали, что объективный статус занятости влияет на отношение к социально-классовым группам. В частности, предприниматели статистически значимо отличались своими идентификационными предпочтениями от наемных работников и продемонстрировали высокую согласованность самоидентификаций со своим объективным статусом (Таблица 2): три четверти предпринимателей устойчиво идентифицировали себя со своей группой.

Таблица 2

**Классовая идентификация
россиян разных категорий занятости, %**

Категории занятости* (объективный статус)	Устойчивая идентификация с	
	наемными работниками	предпринимателями
Занятые		
Частные предприниматели (n=55)	25,5**	76,4**
Работники по найму (контракту) (n=717)	49,0**	34,3**
Незанятые		
Учащиеся (n=51)	21,6	51,0
Безработные (n=155)	35,5	34,8
Домохозяйки (n=77)	31,2	31,2
Пенсионеры (n=522)	28,5	14,9
Все	38,1	30,1

* Ответы на закрытый вопрос: «Какое Ваше основное занятие?». Данные по Польше не приводятся ввиду несопоставимости паспортичек.

** разница по χ^2 значима при $p \leq 0,001$.

Однако заметны и значительные расхождения. В частности, с наемными работниками «часто ощущали близость» четверть частных предпринимателей и неработающих россиян (от 22 до 36%). В то же время примерно 13% работников никогда не ощущали близости с наемным трудом, а треть отметили устойчивую идентификацию с частными предпринимателями²⁹.

У учащихся неясность профессионального будущего сочетается с упнованием на жизненный успех в «новой экономике» — с выбором бизнес-сообщества в качестве референтной группы.

Идентификация пенсионеров с миром труда обращена в прошлое и свидетельствует о том, что с уходом из активной трудовой деятельности полное замыкание на частную жизнь происходит не у всех пенсионеров или, по крайней мере, не сразу.

Вообще несогласованность статусов предполагает существование некоторой нормы. Эти нормы могут проявляться либо в оперировании нормативными идеологическими конструкциями, либо в «нейтральном» конструировании «объективно» нормативных ранговых шкал³⁰, либо в апеллировании к нормативным ожиданиям индивидов³¹ и/или их социального окружения³². Применительно к изменяющимся обществам несоответствие мировоззрения объективному статусу может объясняться простым отрицанием причинно-следственной связи между структурными позициями классов и их групповым «сознанием»³³, а также «краткосрочной» ментальностью³⁴, ситуативностью и гибкостью идентификаций — всем тем, что может способствовать адаптации к переменам и использованию жизненных шансов³⁵. Именно такое объяснение выглядит правдоподобным для одинаковой готовности безработных идентифицироваться и с миром наемного труда, и с миром бизнеса.

Отмеченные случаи несогласованности среди занятых позволяют выдвинуть гипотезу о том, что если процесс становления классового самосознания и имеет место, то на момент опроса он не сопровождался интенсивным выстраиванием межгрупповых барьеров, которое бы приводило к формированию антагонистической картины мира. Если в использовавшейся в опросе шкале выделить область идентификации позитивной

(варианты «часто» и «иногда») и непозитивной (варианты «никогда» и «затрудняюсь ответить»), то в зависимости от идентификационного выбора наемных работников и бизнесменов можно разбить на 4 группы тех, которые:

- 1) не видели межгрупповых барьеров между наемными работниками и бизнесом — оба позитивных выбора;
- 2) выстраивали межгрупповой барьер с позиции бизнеса — позитивная идентификация с бизнесом и отсутствие общности с наемными работниками;
- 3) выстраивали межгрупповой барьер с позиции наемного труда — позитивная идентификация с наемными работниками и отсутствие общности с бизнесом;
- 4) демонстрировали отсутствие классового самосознания — тот и другой выбор не является позитивным (Таблица 3).

Таблица 3
Распространенность классового самосознания среди наемных работников и предпринимателей (Россия), %

Типы самосознания	Наемные работники	Предприниматели
Без барьеров	60,6	54,5
Барьер с позиции бизнеса	14,8	32,7
Барьер с позиции наемного труда	14,8	5,4
Отсутствие классового самосознания	9,8	7,3

Среди представителей структурно противостоящих групп — наемных работников и предпринимателей — большинство выражали позитивную идентификацию (часто или иногда чувствовали близость) одновременно и со своей, и с противоположной группой.

Закрытую классовую позицию продемонстрировали лишь треть предпринимателей и около 15% наемных работников. Таким образом, антагонистическое мировоззрение с большим успехом формировалось среди малочисленных, предположи-

тельно высокоресурсных слоев предпринимателей, нежели среди большинства представителей наемного труда.

Курсивом в таблице 3 показана доля «ренегатов», которые продемонстрировали *радикальную несогласованность* между объективным статусом на рынке труда и классовым самосознанием.

К описанию современного российского общества как бесконфликтного, вопреки признанию его фактической поляризации, склоняются и некоторые исследователи. Так, Л. Н. Беляева, намечая практические задачи переходного периода российского общества на следующие 10 лет, связывает с «укреплением централизованного управления» завершение строительства и рыночной экономики, и *системы социального партнерства*³⁶. Теоретически значимое обоснование того, что современное российское общество вполне адекватно рассматривать через призму стратификационного подхода, а не только в терминах антагонистических противоречий между классами дает Т. И. Заславская. Соглашаясь с выводом об институциализации антагонистического «раскола общества по линии социального отчуждения и эксплуатации», она видит причину непроявленности классовой борьбы между низами и верхами в том, что «новые классы, за исключением элиты, не успели сформироваться, не обрели классового самосознания, не стали классами «для себя»»³⁷.

Таким образом, *перспектива развития классового антагонизма массовым сознанием* в 2002 г. в российском обществе оказалась не востребованной.

Самоопределение в социально-структурных терминах и классовое самосознание

В обеих странах бизнес-сообщество в идентификационном пространстве занимало периферийное положение. По сравнению со всеми другими общностями оно набрало минимальное (или близкое к нему) число голосов как объект устойчивой позитивной идентификации и максимальное (или близкое к нему) число голосов как объект определенной негативной идентификации (таблица 1). Тем не менее россияне охотнее (30%), чем поляки (9%) включали предпринимателей в «свой», понятный

мир. Зато в польском обществе более распространена была негативная идентификация с бизнес-сообществом: никогда не ощущали близости с ним более 40% опрошенных (в России — менее 25%). Согласно этому показателю, в России отношение к предпринимательству было более благоприятным, чем в Польше.

При этом лишь 4,4% россиян и 6,2% поляков указали, что определение «предприниматель» подходит лично им (см. ниже таблицу 9). Теперь рассмотрим более подробно как представители различных субъективно определенных общностей располагают себя в пространстве классовой разметки.

Прежде всего обнаружилось, что некоторые самоопределения незначительно, но статистически значимо повышали или понижали шансы устойчивой идентификации с бизнес-сообществом, а некоторые — с наемным трудом (Таблица 4)³⁸.

Примечательно, что сравнение данного самоопределения в России и Польше не обнаружило никаких различий, которые можно было бы назвать принципиальными. Сходство оказалось гораздо больше. В обеих странах Мы-идентификация с бизнесом и общностями труда (коллегами по работе, по профессии и наемными работниками в целом), а также стратификационное самоопределение (люди того же достатка) положительно связаны с готовностью, если не разделять, то понимать интересы обоих классов, находящихся в структурной оппозиции. Исключение составляют лишь слои, которые склонны отождествлять свои интересы с интересами тех, кто испытывает нужду, живет в бедности, — только они проявили исключительную солидарность с наемным трудом, не обнаружив при этом солидарности с классом предпринимателей. Таким образом, готовность считать мир материально депривированных людей «своим» все-таки намечает возможный классовый разлом.

Величины коэффициента Спирмена приведены только с уровнем значимости $p \leq 0,01$. При расчетах шкала Мы-идентификаций была преобразована в порядковую шкалу «часто — иногда — затрудняюсь ответить — никогда», что соответствует «устойчивой позитивной — ситуативной — неопределенной — устойчивой негативной» идентификациям.

Можно увидеть содержательные различия между Мы-определениями, указывающими на отсутствие межгрупповых барь-

Таблица 4

Социально-классовая идентификация
в России и Польше, г Спирмена

Идентификации	Россия	Польша	Россия	Польша
	Мы-идентификации			
	с бизнесменами	с наемными работниками		
Мы-идентификации				
с бизнесменами	1,000	1,000	0,293	0,159
с наемными работниками	0,293	0,159	1,000	1,000
с товарищами по работе	0,268	0,253	0,279	0,199
с представителями одной профессии	0,290	0,225	0,270	0,325
с людьми того же достатка	0,129	0,164	0,195	0,214
с постоянно нуждающимися			0,247	0,267
Я-определения				
предприниматель	0,159	0,260		
обеспеченный человек	0,181	0,130		
представитель интеллигенции	0,117	0,126		
студент / школьник	0,098			
представитель своей профессии	0,103	0,107	0,088	
работник предприятия	0,160		0,167	0,100
рабочий		0,096	0,102	
бездействующий				0,090
бедный	-0,196	-0,150		
крестьянин	-0,096		-0,065	
пенсионер	-0,267	-0,160	-0,117	

еров, и Я-определениями, обозначающими групповое членство индивидов. Именно сквозь призму Я-идентификаций видна асимметрия намечающихся межклассовых разломов. В обеих странах бизнес-сообщество скорее, чем общность наемного труда, найдет понимание среди тех, кто считает себя предпринимателем, обеспеченным человеком и / или интеллигентом; минимальные шансы найти понимание среди считающих себя пенсионерами и бедными. Это вполне естественно в отношении предпринимателей и психологически понятно в отношении обеспеченных и бедных людей.

Что касается интеллигенции («я — представитель интеллигенции»), то и в России, и в Польше, по-видимому, отразилась произошедшая при переходе к рынку смена «парадигмы мышления и поведения высокообразованного человека», приведшая к «угасанию в Восточной Европе духовной парадигмы общества доиндустриального, традиционного типа» из-за резкого ухудшения социального положения специалистов, финансировавшихся из государственного бюджета. В результате «прагматизации сознания» наиболее гибкая часть интеллигенции трансформировалась в «разновидность типичного для западного общества класса людей знания», в профессиональную группу высокооплачиваемых экспертов и специалистов³⁹. Указанные процессы вполне соответствуют задаче «культурной революции» по формированию экономического человека — по замене в общественном сознании ориентации на свободу и индивидуализм вместо равенства и колlettivизма. Именно эта задача встала перед странами Центральной и Восточной Европы в начале второй Великой трансформации 1990-х, поскольку послевоенная (первая Великая) трансформация создала материально-экономическую базу и социальную основу индустриального общества и одновременно законсервировала господство «нематериалистически ориентированных ценностей доиндустриального общества»⁴⁰. Успех понимаемой таким образом культурной революции привел к переориентации населения посткоммунистических стран с ценностями самовыражения на ценности выживания (в терминологии Р. Инглхарта)⁴¹.

Есть различия и между странами. В России профессиональные (представитель своей профессии) и корпоративные (работ-

ник предприятия / учреждения) Я-определения положительно коррелируют с обеими классовыми идентификациями. В Польше дело обстоит иначе: если «профессионалы» тяготеют только к бизнесу, то идентифицирующие себя с корпорацией солидаризируются только с наемным трудом.

Для интерпретации этого различия можно обратиться к сетевой теории предпринимательства Р. Бёрга, согласно которой «предпринимательство представляет собой объединение одним индивидом двух не связанных между собой фрагментов его сети»⁴². То есть, предприниматель — это, прежде всего, не профессия, а умение извлекать выгоду из «сетевых пустот». С этой точки зрения за солидарностью профессионалов с бизнесом можно видеть симбиотический, взаимовыгодный союз. Солидарность же с наемным трудом ощущимых выгод не дает, поскольку высокая квалификация профессионала позволяет индивидуально реализовать свои шансы на внешнем рынке труда.

Самоопределение *работника предприятия* связано с лояльностью конкретной хозяйственной организации. Стоящая за ней определенность жизненных шансов сообщается не столько ценностью профессионального статуса на внешнем рынке труда, сколько привилегиями, завоеванными илиложенными внутри корпорации. В условиях раздаточной экономики советского типа более тесная, чем на Западе, связь с предприятием работников особенно низкого профессионального статуса трактовалась как проявление сословного, корпоративного характера общества. Представлявшийся предприятиями (в зависимости от размера и отрасли) набор социальных привилегий зачастую сильнее определял образ и уровень жизни работников, чем их профессионально-квалификационные характеристики⁴³.

В Польше, по крайней мере, в год, предшествующий опросу, характеристики предприятия существенно влияли на социальный статус работника. В частности, у рабочих на государственных предприятиях уровень заработной платы и гарантии от безработицы были выше. На частных предприятиях уровень зарплаты существенно зависел от ряда факторов: размера предприятия, его экономического положения и технической оснащенности. Оплата труда была выше на предприятиях с иностранным собственником и на предприятиях, созданных с нуля

«новыми» капиталистами. Существенное влияние на доходы работников оказывали сильные профсоюзные организации предприятий и выгодные для рабочих коллективные трудовые договоры. В отдельную категорию выделялись малые частные предприятия, работавшие «на границе с серой зоной», где наемный персонал испытывал на себе неограниченную авторитарную власть работодателя⁴⁴. Это объясняет то, что польские «работники предприятия» предпочли солидаризироваться с наемным трудом, а не с бизнесом. Там, где работник испытывал на себе авторитарную власть работодателя, идентификация с корпорацией, корпоративная лояльность могла ослабевать.

Возвращаясь к российской специфике — к готовности «профессионалов» идентифицироваться и с бизнесом, и с наемным трудом, — следует вспомнить, что, как «первичный элемент социальной структуры» неклассовых обществ советского типа, социально-профессиональные группы «все в меньшей степени выступали как внутриклассовые группы и все в большей мере как непосредственно внутриобщественные группы — слои». Вместе с тем в исследовании «старых структур» постсоветских обществ принципиально важно отличать социально-профессиональное от собственно слоеового измерения. Если профессиональная структура включает «особенности характера труда, квалификационно-образовательные и профессионально-отраслевые качества работников, то слоевая формировалась с учетом социального капитала и доступа к властным ресурсам⁴⁵. Поэтому, хотя содержательно самоотнесение к тому или иному профессиональному сообществу предполагает, в отличие от самоидентификации с конкретным предприятием и коллегами по работе, обладание индивидом образовательного и квалификационного ресурса, позволяющего в поисках жизненных шансов входить в широкие, обезличенные отношения, роль профессиональной самоидентификации не следует преувеличивать. В «старых структурах» России⁴⁶ социальный статус по-прежнему определяется не профессией (не квалификацией и денежными доходами от профессиональной занятости), а близостью к власти⁴⁷.

Правда, в народной Польше тоже успел сформироваться «специфический тип «командной» сегментации рынка труда с уникальной моделью распределения доходов и прочих благ».

Таблица 5

Однако Х. Доманьский утверждает, что к концу 1990-х гг. влияние этой сегментации уменьшилось, и в госсекторе проявляется лишь остаточное «сопротивление однажды консолидированной структуры»⁴⁸.

И еще два отличия России от Польши. Во-первых, российская молодежь с большей готовностью солидаризировалась с бизнес-сообществом, обещающим перспективу господствующих позиций на рынке труда за счет приобретаемого в обучении человеческого капитала. В этой готовности, в соответствии с теорией социальной идентичности Г. Тэджфела и Дж. Тернера, угадывается ориентация на индивидуальную восходящую мобильность, которой сопутствует ослабление групповой солидарности⁴⁹. Польская молодежь такой готовности не продемонстрировала.

Во-вторых, поскольку дистанцию от бизнеса определенно обозначили только российские крестьяне, можно предположить, что в Польше они занимают менее маргинальное положение — испытывают меньшую депривацию по доходам и по общественному признанию.

Стратификационная идентификация — общность достатка

Стратификационный подход в известном смысле противостоит социально-классовому, однако оба они, в свою очередь, противостоят новейшим трактовкам, согласно которым вместе с исчезновением классов (а также труда и производства) почила и социальная структура. В качестве альтернативы социально-структурному «детерминизму» активно предлагаются культуральные интерпретации, согласно которым (пост)современные процессы дифференциации имеют преимущественно символическую природу⁵⁰.

Вместе с тем социально-структурные характеристики действительно не все объясняют. Хотя в обеих странах занятое население оказалось более чувствительным к социально-классовой и социально-профессиональной разметке социального пространства, чем незанятое (Таблица 5), статус занятости никак не отразился на распространенности идентификации по достатку. Это

Устойчивая идентификация среди категорий занятости
(Россия и Польша), %

	Россия		Польша	
	Занятые	Незанятые	Занятые	Незанятые
Устойчивая идентификация с людьми того же достатка	79,2	80,0	53,5	54,8
коллегами по работе	79,8*	42,5*	58,4*	30,3*
представителями профессии	76,5*	51,6*	52,7*	32,4*
наемными работниками	46,7*	29,7*	24,1*	17,2*
частными предпринимателями	37,8*	22,6*	13,3*	6,2*
бедными	33,8*	48,7*	30,5*	40,0*

* значимость различий между занятыми и незанятыми по χ^2 при $p<0,01$.

может означать, что «вирусом» экономического мышления оказались заражены в одинаковой степени и активные труженики, и те, кто к таковым не относится. Действенность проникновения экономического мышления особенно трудно переоценить, имея в виду, что это единственный из рассматриваемых здесь параметров, который оказался независимым от статуса занятости.

Эти результаты согласуются с выводом о том, что в российском обществе материальное благосостояние уже к середине 1990-х гг. стало важнейшим критерием стратификации. Н. Е. Тихонова подчеркивает, что «особую убедительность этому выводу придает то, что все исследователи, отмечавшие роль материального благосостояния среди критериев стратификации, анализировали социальную стратификацию как многомерный процесс и замеряли характеристики различных видов ресурсов, находящихся в распоряжении социальных групп и отдельных индивидов»⁵¹.

Примечательно, что Л. А. Хахулина, рассматривая на материале регулярных опросов ВЦИОМа 1990-х гг. динамику са-

Таблица 6

Устойчивая идентификация по уровню дохода среди групп занятого и незанятого населения России и Польши, %

Категории занятости	Россия				Польша			
	Уровень материальной обеспеченности							
	очень низкий	низкий	средний	высокий и очень высокий	очень низкий	низкий	средний	высокий и очень высокий
Устойчивая идентификация с наемными работниками								
Занятые	45,9	48,7	46,2	45,1	23,4	14,1	29,7	20,9
Незанятые	26,1	31,9	32,3	37,5	15,8	13,9	19,0	18,4
Устойчивая идентификация с предпринимателями								
Занятые	21,7	30,5	46,5	63,4	6,3	10,9	14,4	16,3
Незанятые	16,3	19,7	35,5	57,5	4,8	5,9	4,0	13,6
Устойчивая идентификация с представителями одной профессии								
Занятые	74,5	77,3	74,2	85,4	51,6	48,4	53,8	53,5
Незанятые	45,4	51,9	58,1	82,5	26,7	30,7	34,3	38,8
Устойчивая идентификация с коллегами по работе								
Занятые	77,1	79,9	80,7	82,9	45,3	48,4	61,0	65,9
Незанятые	35,0	42,3	54,0	72,5	20,0	31,7	30,2	45,6
Устойчивая идентификация с людьми того же достатка								
Занятые	80,9	79,6	76,4	86,6	60,9	48,4	55,4	49,6
Незанятые	84,4	77,1	78,2	75,0	52,1	41,6	59,7	60,2
Устойчивая идентификация с бедными								
Занятые	42,7	36,1	29,1	24,4	46,9	37,5	30,8	18,6
Незанятые	54,3	51,0	33,1	35,0	53,9	37,6	36,3	29,1

моопределений на социальной лестнице по 10-балльной шкале, отмечала: «Если в 1991 г. более 1/3 опрошенных затруднялись отнести себя к какому-либо слову или *вообще отрицали наличие в обществе такого деления* [курсив. — О.О.], то уже к 1996 г. самоидентификация с данными социальными категориями для подавляющего большинства не встречает затруднений. <...> Это является свидетельством того, что новая идентификационная система все больше укореняется в массовом сознании»⁵².

Распространение стратификационного мышления в массовом сознании теоретически можно объяснить интенсивной имущественной дифференциацией, о которой в последние годы в России не писали только совсем не пишущие. Наиболее значимым следствием этой дифференциации для массового сознания стал лавинообразный рост неудовлетворенности своим материальным положением, что отразилось и в анализируемых данных. Сопоставимый уровень устойчивой идентификации с бедными в России (34% среди занятых и 49% среди незанятых) и в Польше (31% среди занятых и 40% среди незанятых) при более высоком уровне устойчивой идентификации по достатку (80% в России и 54% в Польше) может свидетельствовать о том, что в России имущественная дифференциация ощущается населением острее⁵³. Таким образом, несмотря на то что теоретический анализ социальной структуры трансформирующихся обществ обнаруживает складывание антагонистических экономических классов в узком смысле этого термина⁵⁴, массовые опросы показали первостепенную значимость имущественной стратификации. Иными словами, и в России, и в Польше реформируемое население не достигло классовой зрелости и находится на стадии осмысления своего положения в экономических терминах.

Если из всех социально-структурных измерений параметр материального благосостояния действительно стал наиболее значимым, то логично исследовать взаимосвязь между оценкой своего материального благосостояния и готовностью идентифицировать себя с разными общностями (Таблица 6). Поскольку выше мы установили, что статус занятости почти всегда влияет на идентификационные выборы, этот параметр мы также будем учитывать.

Идентификация с наемными работниками. На идентификацию занятых с наемными работниками уровень дохода не оказывает заметного влияния. Если какая-то связь и может быть замечена в польской выборке, она не носит линейного характера. Несколько иначе обстоит дело у незанятого населения обеих стран, где с ростом доходов отмечается усиление (особенно в России) идентификации с наемными работниками. Этому обстоятельству можно предложить два не противоречащих друг другу объяснения: (1) идентификация усиливается либо за счет нерегулярных выходов на рынок труда, обеспечивающих, несмотря на нерегулярность, относительно приемлемые доходы; (2) общность с наемными работниками актуализируется опосредованно через солидаризацию с работающими членами семьи, наличие которых и обуславливает более высокую самооценку материального положения.

Идентификация с бизнесом. Что касается идентификации с частными предпринимателями, то здесь, по-видимому, можно говорить о линейной связи. Чем выше доход, тем сильнее выражена готовность идентифицироваться с бизнесом. Это верно как для занятого, так и незанятого населения обеих стран, причем в России эта закономерность проявилась более отчетливо. В данном измерении предпринимательский класс, по-видимому, выступает референтной группой. М. Ф. Черныш, анализируя данные национального опроса начала 1990-х годов, приводит типологически сходное наблюдение: «Руководители в условиях тоталитаризма, да и в посттоталитарном обществе обладают достаточно высоким статусом. Это подтверждается тем, что весьма значительная часть населения, не занимая какого-либо руководящего поста, относит себя к категории управляемцев. Для них руководители — референтная группа»⁵⁵. Сходство заключается в том, что выбор высокостатусной группы в качестве референтной может рассматриваться как pragматическая «стратегия поиска привилегированной позиции в распределении благ»⁵⁶.

Профессиональная и корпоративная идентификация. В принадлежности к общности с коллегами по работе подчеркивается ориентированность на межличностный характер отношений, на неформальную структуру формального объединения, входящего в более обширную хозяйственную организацию.

В обеих странах идентификация с профессиональным сообществом и коллегами по работе играет существенную роль, однако можно отметить некоторые различия по позиции относительно рынка труда. Интенсивность профессиональной идентификации среди работающего населения и уровень благосостояния совершенно не связаны между собой в Польше и не сильно связаны в России. Иная картина наблюдается среди незанятого населения, где интенсивность профессиональной идентификации неуклонно растет вместе с уровнем благосостояния в обеих странах.

Почти прямо противоположная картина наблюдается в данных об идентификации с коллегами по работе. Среди занятого населения России положительная связь между идентификацией и уровнем благосостояния наблюдается только при переходе от дохода не выше среднего к высоким и очень высоким доходам. Тогда как в Польше связь более явная: чем выше доход, тем чаще люди заявляли об устойчивой идентификации с первичным трудовым коллективом. Если придерживаться тезиса об изоморфности объективных и субъективных (самоощущения) параметрах стратификации⁵⁷, то можно сделать вывод о том, что в Польше более сильное влияние на уровень доходов оказывает корпоративная принадлежность по сравнению с профессиональной. Если так, то правомерна гипотеза: в результате произошедших трансформаций польский рынок труда не стал более открытым для межкорпоративного выравнивания в уровне оплаты труда⁵⁸.

Среди незанятых в обеих странах распространность устойчивой идентификации с коллегами по работеширилась вместе с ростом доходов, причем разница между крайними группами по уровню дохода оказалась двукратной. По-видимому, основной вклад в эту взаимосвязь внесли ответы учащихся (которые могли иметь в виду соучеников) и безработных (временно не работающих), для которых идентификация с общностями труда имеет практический смысл, так как она повышает шансы устройства на работу⁵⁹.

Характерно, что в идентификации с людьми одного достата-ка размер дохода не является однозначно дифференцирующим фактором. В этом можно видеть еще одно подтверждение струк-

турной неукорененности стратификационной идентификации. Совершенно иначе обстоит дело с другим параметром достатка: с бедными в обеих странах, как и предполагалось, чаще идентифицировались менее обеспеченные и незанятые.

Композиция социальной структуры сквозь призму Я-определений

Если социальную структуру изучать с помощью массовых опросов (таблица 7), то пришлось бы признать, что в терминах советской «трехчленки» в 2002 году в России численно доминировали рабочие (35%), а интеллигенты и крестьяне (по 16%) даже вместе не превосходили их по численности рабочих. В Польше доминировала интеллигенция (26%), по численности примерно равная рабочим и крестьянам (17 и 12% соответственно) вместе взятым.

Однако польский транзит к «обществу знания» имеет примечательную особенность. Оказалось, что самоопределение в терминах профессии для россиян играет более важную роль, чем для поляков, что нашло отражение и в абсолютных, и ранговых показателях (Таблица 7). При этом профессиональная самоидентификация в России оказалась более тесно, чем в Польше, связанной с позитивной оценкой своего материального благополучия (Таблица 8).

Среди россиян, которые выбрали идентификацию «представитель своей профессии», обеспеченных людей оказалось примерно на 9% больше, а бедных — на те же 9% меньше, чем среди тех, кто не выбрал профессиональную идентификацию; и эта разница статистически значима. Картина, конечно, не слишком радужная, учитывая, что три четверти россиян, считающих для себя важной принадлежность к профессии, не отнесли себя к обеспеченным людям. Однако данные по Польше свидетельствуют о еще меньшей связи профессиональной идентификации с достатком: несмотря на то что разница в оценках материального благополучия между «профессионалами» и «непрофессионалами» статистически значима, 90% польских «профессионалов» не отнесли себя к обеспеченным людям. Более того, к

Таблица 7
Порядок Я-определений в России и Польше

	Россия	Польша	Россия	Польша
Я-определения	%	%	Ранг	Ранг
Занятые				
Рабочий	35	17	16	27
Крестьянин	16	12	29–30	31
Интеллигент	16	26	29–30	21
Предприниматель	4	6	39	35
Незанятые				
Пенсионер	34	36	19	15
Безработный	13	14	33	30
Студент / учащийся	6	8	38	33
Профессиональная и корпоративная принадлежность				
Представитель профессии	37	21	13	25
Работник предприятия	30	18	21	26
Статус достатка				
Бедный	25	46	25	12
Обеспеченный человек	20	5	27	36

Таблица 8
Связь Я-определений по профессии и по достатку, %

Я-определения	Я — представитель своей профессии			
	Россия		Польша	
	Выбрали	Не выбрали	Выбрали	Не выбрали
Обеспеченный человек	26,2*	16,8*	9,8*	4,0*
Бедный	19,1*	28,4*	46,9	45,3

* значимость различий по χ^2 при $p < 0,001$.

бедным отнесли себя 47% идентифицировавших себя с профессией — почти ровно столько же, сколько и тех, кто не считает свою профессию важным параметром самоописания. Разумеется, подобных данных недостаточно, чтобы опровергать выводы об установлении режима меритократии в польской экономике⁶⁰. Все же, поскольку индексы субъективных настроений и ожиданий широко используются в «серьезном» прогнозировании экономических трендов, ничтожная связь между оценкой материального благополучия и профессиональной идентификацией дает повод для сомнений в том, что у участников польского рынка труда сформировались представления о положительной связи между достатком и приверженностью профессии.

Таким образом, либо мы имеем дело с нехрестоматийными последствиями польского перехода к «обществу знания», либо слоеvoе самосознание не является надежным индикатором для выводов о качестве социальной структуры общества.

Теперь обратимся к среднему классу, который российские социологи, кажется, отчаялись обнаружить. Если в предпринимателе видеть типичного представителя искомого среднего класса, то в обеих странах численность среднего класса на момент опроса не превышала удвоенную величину ошибки выборки — 4–6%. При этом в Польше, которая, как считается, едва ли не дальше всех постсоциалистических стран продвинулась по пути реформ, оптимистично говорят о мелких и средних собственниках как о «ядре нарождающегося среднего класса»⁶¹. Какие же основания имеют польские авторы для оптимизма? По данным 1998–1999 гг. «старый» средний класс составлял всего 6,6% занятого населения (а не всего населения, как в нашем опросе). Именно в этих 6,6% и виделось «ядро динамики социально-профессиональной структуры»⁶². Похоже, что российский и польский дискурсы о среднем классе различаются как разговоры о наполовину пустом и наполовину полном стакане воды: отличия не в объективной реальности, данной в ощущении, а в пессимизме и оптимизме создателей дискурсов.

Отметим еще одну особенность. Вопреки распространенным среди россиян представлениям о более высоком уровне жизни в Польше, в России субъективно обеспеченных людей оказалось в 4 раза больше, а бедных почти в 2 раза меньше.

Очевидно, что польское и российское население выбирают для сравнения разные точки отсчета. Если в России, по-видимому, актуальным для самоидентификации стала динамика изменений внутри страны, то для поляков более значимым оказывается сравнение с уровнем жизни «старых» членов Европейского Союза.

Несогласованность Я-определений

В ходе опросов респондентам предлагалось выбирать любое количество Я-определений. Номинации, предложенные в списке (вопрос 3, см. приложение), находятся между собой в разных отношениях. Одни номинации взаимоисключают друг друга: нельзя быть, например, молодым и пожилым одновременно. Другие номинации, дополняя друг друга, уточняют набор совместимых статусов респондента: можно быть одновременно молодым, рабочим, славянином, верующим и человеком с будущим. Советская «трехчленка» — рабочий, крестьянин, интеллигент, расширенная за счет новой страты предпринимателей, образует семантическое поле дискретных статусов, однако выбор двух и более номинаций из этого списка может трактоваться не как ошибка, а как показатель маргинального статуса.

В целом россияне чаще описывали свой статус в терминах модернизированной «трехчленки»: не нашли себя в ней 42% россиян и 49% поляков (Таблица 9). Разница статистически значимая (по χ^2 при $p < 0,01$), но не является принципиальной с содержательной точки зрения. Выделив из всего массива данных тех россиян и поляков, которые называли себя рабочими, крестьянами, интеллигентами или предпринимателями, мы можем определить, каким категориям более свойственна субъективная статусная кристаллизация, а каким — расщепленность статуса.

Максимальная статусная кристаллизация (не менее двух третей) в России свойственна рабочим и интеллигентам⁶³, а Польша — интеллигентам, рабочим и крестьянам (Таблица 10). В обеих странах большинству предпринимателей свойственно статусное расщепление, так что самосознание у нового «старого» среднего класса в России формируется не менее успешно, чем у

Таблица 9

Согласованность статусов, %

Выбор	Россия, N=1601	Польша, N=1069
4 выбора	0,2	0,2
3 выбора	1,4	1,1
2 выбора	10,0	8,2
1 выбор	46,4	41,3
0 выборов	41,9	49,2
Итого	100	100

польских коллег⁶⁴. В противоречивости самоописаний предпринимателей ничего удивительного нет. В Польше 1990-х гг. «многие предприятия малого бизнеса учреждаются лишь для того, чтобы через некоторое время исчезнуть»⁶⁵. Это не специфика со-

Таблица 10

Согласованность статусов, %

Выбор	Россия				Польша			
	Рабочий	Крестьянин	Интеллигент	Предприниматель	Рабочий	Крестьянин	Интеллигент	Предприниматель
4 выбора	1	2	2	6	1	2	1	3
3 выбора	4	7	8	11	5	8	2	14
2 выбора	25	41	19	40	27	24	21	53
1 выбор	71	51	72	43	67	66	76	30
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100
Всего сделавших более 1 выбора	29	49	28	57	33	34	24	70
N	562	258	256	70	186	127	282	66

временной Польши. В таком положении мелкие собственники находятся во всем мире, в том числе, естественно, и в России⁶⁶.

Самосознание представителей интеллигенции сохранило высокую степень непротиворечивости, несмотря на характерную для посткоммунистических стран катастрофическую утрату социальных позиций, с одной стороны, и превращение «гибкой» части интеллигенции в материалистически ориентированный класс менеджеров и экспертов⁶⁷ — с другой.

Таким образом, в обеих странах рабочие и интеллигенты отличаются высокой статусной кристаллизацией, в Польше к ним добавляются еще крестьяне. Предпринимателей — представителей возрождающегося «старого» среднего класса — в обеих странах отличает ощущение маргинальности собственного статуса. Следовательно, даже если Польша по объективным показателям обгоняет Россию в формировании «старых» средних классов, этот успех не отражался на их социальном самочувствии.

Теперь обратим внимание на статусные «расщепления», т.е. маргинальность (Таблица 11). Подчеркнем, что здесь будут рассмотрены данные только тех рабочих, крестьян, интеллигентов и предпринимателей, которые приписали себе более одного социо-структурного статуса.

В польских данных отчетливых зон статусной маргинализации не выявилось: рабочие, крестьяне, интеллигенты и предприниматели⁶⁸ примерно одинаково часто приписывали себе еще какой-нибудь статус (Рис. 1).

В России если рабочий выбирал еще какой-то социально-структурный статус, то чаще всего называл себя крестьянином, а крестьянин, в свою очередь, чаще всего называл себя рабочим. К рабочим же тяготели и интеллигенты, а предприниматели одинаково часто классифицировали себя как рабочих или интеллигентов. Если допустить, что пары статусов отражают индивидуальные траектории (незавершенной или пережитой) социальной мобильности, то статус рабочего окажется точкой прерывания траекторий: рабочий как бы стоит на пути из крестьян в интеллигенты и предприниматели.

В польских данных такой точки прерывания нет. Из каждого из четырех социально-классовых статусов выбор пути к остальным трем примерно равновероятен.

Таблица 11

Согласованность статусов среди групп респондентов
в России и Польше, %

Я-определения	Россия				Польша			
	Рабочий	Крестьянин	Интеллигент	Предприниматель	Рабочий	Крестьянин	Интеллигент	Предприниматель
Рабочий		77	50	41		46	40	31
Крестьянин	62		26	16	34		24	20
Интеллигент	26	17		43	42	33		49
Предприниматель	12	6	24		24	21	36	
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100
N*	191	153	100	56	76	57	80	59
Значимость различий внутри столбцов (χ^2)	<0,01	<0,01	<0,01	<0,05				<0,05

*Единица измерения — не респондент, а 1 пара разных статусов.

Рис. 1. Маргинальные социально-структурные статусы в России и Польше

Таким образом, если в Польше маргинальные статусы более или менее равномерно распределялись между всеми четырьмя рассмотренными категориями, то в России большая часть маргинальных статусов сопряжена со статусом рабочего. Кроме того, Россию отличает от Польши иерархичность статусов, и в этой иерархии крестьяне занимают низшее положение. Словно-неэгалитарные социалистические общества были более эгалитарными, чем посткоммунистические. При этом в обеих странах именно крестьянство стало едва ли не основной питательной средой для формирования культуры бедности, и именно среди крестьян, как показывают опросы, больше всего проигравших от реформ. Вместе с тем сравнение распределений маргинальных статусов показывает, что российские реформы более негативно отразились на социальном самочувствии селян.

Выводы

Подведем итоги. Прежде всего, нужно отметить, что сравнение распространенности социально-структурных идентификаций в России и Польше не обнаружило никаких различий, которые можно было бы назвать принципиальными. При этом сходства оказалось гораздо больше, чем можно было бы ожидать. Это наводит на мысль о том, что границы «другой Европы» простираются в западном направлении несколько дальше, чем это допускает текущий политический дизайн. Мысль эта кому-то может показаться комфортной, а кому-то возмутительной, и даже садистской. Вместе с тем она вполне согласуется с основанным на статистических данных утверждением о том, что «восточная часть европейского континента и в середине XX в. оставалась экономической периферией ее западной части. За исключением чешских земель, страны, вступившие на путь форсированной индустриализации по советскому образцу, составляли регион сельского типа с высоким аграрным перенаселением и низкими показателями грамотности». Польша находилась на «начальной стадии промышленного развития»⁶⁹.

В обеих странах Мы-идентификация с бизнесом и общностью труда (коллегами по работе, по профессии и наемными работ-

никами в целом), а также стратификационное самоопределение (люди того же достатка) положительно связаны с готовностью если не разделять, то понимать интересы обеих социально-классовых групп, находящихся в структурной оппозиции. Антагонистическая картина классового мироустройства массовым сознанием в 2002 г. в российском обществе была не востребована; в отношении Польши свидетельств обратного также обнаружено не было.

Если связывать рассмотренные показатели с индексом благоприятного отношения общества к предпринимательству, то в России он, несомненно, выше, чем в Польше, поскольку в Польше зафиксирована большая распространенность барьера между населением и бизнесом.

Предпринимателей — представителей возрождающегося «старого» среднего класса — в обеих странах отличает ощущение маргинальности собственного статуса.

Если в Польше маргинальные статусы более или менее равномерно распределялись между всеми четырьмя рассмотренными категориями, то в России большая часть маргинальных статусов сопряжена со статусом рабочего.

Несмотря на то что в обеих странах сельские жители оказались в наиболее трудном положении, российское крестьянство острее ощущает относительную депривацию.

В целом можно утверждать, что в обеих странах имеет место маргинализация социальных статусов: чувство солидарности в группах работников наемного труда, крупных бизнесменов и мелких предпринимателей не сложилось. Интерпретировать это обстоятельство можно по-разному: можно видеть в нем либо свидетельство незавершенности трансформации в общество принципиально нового типа с конкурентной экономикой, либо конец классовой идеологии, либо кризис форм представления классовых интересов.

¹ Melucci A. The New Social Movements: A Theoretical Approach // Social Science Information. 1980. Vol. 19. P. 199–226; Offe C. New Social Movements: Challenging Boundaries of Institutional Politics // Social Research. 1995. Vol. 52. P. 817–68; New Social Movements: From Ideology to Identity / Ed. by E. Laraña et al. Philadelphia: Temple University Press, 1994. P. 7.

² Балибар Э., Валлерстайн И. Рasa, нация, класс: Двусмысленные идентичности. М.: Логос-Альтера; Ecce Homo, 2003. С. 205–206.

³ Заславская Т. И. Современное российское общество: Социальный механизм трансформаций. М.: Дело, 2004. С. 148–149.

⁴ О распространении экономического мышления в Восточной Европе см.: Коровицына Н. С Россией и без нее: Восточноевропейский путь развития. М.: Алгоритм, 2003. С. 180 и далее.

⁵ Ответы на вопрос об основном занятии со стандартными закрытиями: работаю по найму, занимаюсь предпринимательством, пенсионер, учащийся, безработный и т. д.

⁶ Ответы «часто», «иногда», «никогда», «затрудняюсь ответить» на вопросы о субъективной близости различных категорий людей.

⁷ Выбранные из набора карточек категории, которые подходят респондентам.

⁸ Рукавишников В. О. Социология переходного периода // Социологические исследования. 1994. № 6. С. 12; Беляева Л. Социальная стратификация и средний класс в России: 10 лет постсоветского развития. М.: Academia, 2001. С. 89–90.

⁹ «По большому счету, “индустриальный бюрократ” находится в том же положении, что и другие наемные работники, с той лишь разницей, что его обязанности предполагают эманацию... власти структурного свойства, принадлежащей не ему лично, а той позиции, которую он занимает» (Черныш М. Ф. Менеджеры: Управление и культура // Россия реформирующаяся / Под ред. Л. М. Дробижевой. М.: Academia, 2002. С. 35–36).

¹⁰ Заславская Т. И. Современное российское общество. С. 149.

¹¹ Иногда «предприниматели-индивидуалы» исключаются из категории предпринимателей, см.: Радаев В. В. Экономическая социология. М.: Аспект Пресс, 1997. С. 112.

¹² Там же. С. 96–100, 109–110.

¹³ Шкаратан О. И. Российский порядок: Вектор перемен. М.: Вита, 2004. С. 168.

¹⁴ Радаев В. В. Экономическая социология. С. 112.

¹⁵ Российская идентичность в условиях трансформации: Опыт социологического анализа / Отв. ред. М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова. М.: Наука, 2005. С. 60.

¹⁶ Старые проблемы на новый лад: российское предпринимательство и общественные стереотипы. М.: Никитский клуб, 2004. С. 13 (<http://www.nikitskyclub.ru>).

¹⁷ Доманьский Х. Появление в Польше меритократии // Социологические исследования. 2002. № 6. С. 44–45.

¹⁸ Poland: International Economic Report 2000/2001. Warsaw: Warsaw School of Economics, 2001. P. 160.

¹⁹ Симончук Е. В. Средний класс: люди и статусы. Киев: Ин-т социологии НАН Украины, 2003. С. 194, 197.

²⁰ Черныш М. Ф. Власть и социальная структура // Социальная структура и социальная стратификация / Институт социологии РАН. М., 1992. С. 22.

²¹ См., напр.: Беляева Л. Социальная стратификация и средний класс в России. С. 10; Черныш М. Ф. Власть и социальная структура. С. 20–21.

²² См., напр.: Шкаратан О. И. Российский порядок. С. 66–69, 73.

²³ См., напр.: Климова С. Г. Критерии определения групп «мы» и «они» // Социс. 2002. № 6. С. 86–87; Оберемко О. А. Антонимический анализ Мы-Они идентичностей // Социальная идентичность: Способы концептуализации и измерения. Краснодар: Кубанский госуниверситет, 2004. С. 190–191.

²⁴ «Понятие социальной стратификации, в отличие от классовой структуры, не привязано к конкретной сфере общества. Оно относится к положению индивидов и групп на шкале иерархических статусов... Причем теории социальной стратификации рассматривают систему общественных неравенств скорее как непрерывную, чем как дискретную (курсив мой. — О. О.), что позволяет использовать более дифференцированные шкалы» (Заславская Т. И. Современное российское общество. С. 148–149).

²⁵ Шкаратан О. И. Российский порядок.

²⁶ Тихонова Н. Е. Факторы социальной стратификации в условиях перехода к рыночной экономике. М.: РОССПЭН, 1999. С. 11–12.

²⁷ Дилигенский Г. Г. Люди среднего класса. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2002. С. 60, 58.

²⁸ Радаев В. В. Экономическая социология. С. 223.

²⁹ Конечно, некоторую долю рассогласований можно объяснить классовой идентификацией респондентов с другими членами семьи, но этот сюжет мы оставляем за скобками.

³⁰ См., например: Ленски Г. Статусная кристаллизация: Невертикальное измерение социального статуса / Пер. с англ. А. Н. Болтавина // Социологический журнал. 2003. № 4. С. 128–130.

³¹ Черкашина Т. Ю. Экономическая самоидентификация супружес в российских семьях // Социальная идентичность: Способы концептуализации и измерения / Отв. ред. О. А. Оберемко, Л. Н. Ожигова. Краснодар: КубГУ, 2004. С. 252.

³² См., напр.: Саблина С. Г. Статусные рассогласования: Методология анализа и практика исследований. Новосибирск: НГУ, 2002. С. 51–52.

³³ Радаев В. В. Экономическая социология. М.: ГУ–ВШЭ, 2005. С. 411.

³⁴ Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002. С. 29.

³⁵ Данилова Е. Н., Ядов В. А. Неустойчивая социальная идентичность становится нормой // Социальная идентичность: способы концептуализации и измерения. Краснодар: КубГУ, 2004. С. 13–14.

³⁶ Беляева Л. Социальная стратификация и средний класс в России: 10 лет постсоветского развития. М.: Academica, 2001. С. 4.

³⁷ Заславская Т. И. Современное российское общество. С. 149.

³⁸ Конечно, абсолютные величины коэффициента корреляции ничтожны: нормальность и линейность распределений нарушается главным об-

разом тем, что значительная часть респондентов, особенно российской выборки, выбирали вариант «часто». Нормирование распределений, естественно, дало бы более солидные показатели, что не ограждалось бы на их порядок.

³⁹ См.: Коровицьна Н. С Россией и без нее: Восточноевропейский путь развития. М.: Алгоритм, 2003. С. 208–212 и далее. Сходство настроений «проигравших от реформ» слоев российской и польской интеллигенции можно видеть в следующей фразе: «Не что иное, как традиционные ценности, исповедовавшиеся восточноевропейской интеллигенцией, были движущей силой “бархатной” революции. Трагизм этой революции, как и судеб ее участников, заключается в том, что ценности и идеалы ноября 1989 г. оказались несовместимы с “посленоябрьской” реальностью» (Там же. С. 208–209).

⁴⁰ Коровицьна Н. С Россией и без нее. С. 180–183.

⁴¹ Там же. С. 185–193.

⁴² Сведенберг Р. Новая экономическая социология: Что сделано и что впереди? // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики / Сост. и науч. ред. В. В. Радаев. М.: РОССПЭН, 2004. С. 118.

⁴³ Шкаратан О. И. Российский порядок: Вектор перемен. М.: Вита, 2004. С. 79–80.

⁴⁴ Poland: International Economic Report 2000/2001. Warsaw: Warsaw School of Economics, 2001. P. 162–163.

⁴⁵ Шкаратан О. И. Российский порядок: Вектор перемен. М., 2004. С. 74–75.

⁴⁶ См. выше упоминание о «двух Россиях».

⁴⁷ В. И. Ильин предостерегает от смешения этих двух структур. Если на Западе их отождествление не ведет к «большим эмпирическим погрешностям», то в России «профессиональная и классовая структуры — это совершенно разные сущности. Представители одной и той же профессии могут относиться и к конторскому пролетариату, и к новому среднему классу, поскольку ситуация на рынке труда сильно колеблется и во времени, и в физическом пространстве (столица — провинция, город — деревня), существенные колебания даже внутри одного города» (Ильин В. И. Методологические проблемы анализа классовой структуры // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность. М.: МВШСЭН, 2000. С. 269–270).

⁴⁸ Доманьский Х. Появление в Польше меритократии // Социологические исследования. 2002. № 6. С. 43.

⁴⁹ Ellemers N., Spears R., Doosje B. Sticking Together or Falling Apart: Group Identification as a Psychological Determinant of Group Commitment versus Individual Mobility // Journal of Personal and Social Psychology. 1997. Vol. 72. P. 123–140.

⁵⁰ Авторы культуральных трактовок, по-видимому, избегают формальных (не содержательных) сопоставлений между идеологией и культурой, стилем, культурными практиками и т. п.

⁵¹ Тихонова Н. Е. Факторы социальной стратификации в условиях перехода к рыночной экономике. М.: РОССПЭН, 1999. С. 39.

⁵² Хахулина Л. А. Субъективный средний класс: доходы, материальное положение, ценностные ориентации // Экономические и социальные перемены. Мониторинг общественного мнения. 1999. № 2. С. 25–26. Цит. по: Дилигенский Г. Г. Люди среднего класса. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2002. С. 58.

⁵³ По аналогии с межэтническим напряжением, которое приводит к актуализации этнической идентификации, см.: Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998.

⁵⁴ Радаев В. В. Экономическая социология. М.: ГУ-ВШЭ, 2005. С. 398.

⁵⁵ Черныш М. Ф. Власть и социальная структура // Социальная структура и социальная стратификация / Институт социологии РАН. М., 1992. С. 26.

⁵⁶ Рихард А., Внук-Липинский Э. Источники политической стабильности и нестабильности в Польше // Социологические исследования. 2002. № 6. С. 62.

⁵⁷ Н. Е. Тихонова подчеркивает, что решающую роль материальное положение играет «в определении как объективного, так и субъективно воспринимаемого социального статуса в современной России», поскольку «самоощущение самого населения» совпадает со статистическими данными (Тихонова Н. Е. Факторы социальной стратификации в условиях перехода к рыночной экономике. М.: РОССПЭН, 1999. С. 30).

⁵⁸ «В условиях конкуренции заработка плата, выплачиваемая предпринимателем, не находится ни под его контролем, ни под контролем его работников. Действующая ставка оплаты определяется условиями во всей экономике в целом, говоря более конкретно — совокупным спросом и совокупным предложением труда. Каждая фирма должна платить эту рыночную ставку. Ей нет необходимости поднимать заработную плату, когда растет ее производительность или расширяются ее продажи; если бы она так поступила, то на нее обрушился бы поток претендентов из других секторов. В подобном мире «инсайдеры» лишены какой бы то ни было власти». (Blanchflower D. G., Oswald A. J. Internal and External Influences Upon Pay Settlement // British Journal of Industrial Relations. 1988. Vol. 3. P. 364. Цит. по: Капелюшников Р.И. Механизмы формирования заработной платы в российской промышленности. М.: ГУ-ВШЭ, 2003. С. 25).

⁵⁹ Дёмин А. Н. Возможности использования человеком индивидуальных и социальных ресурсов в ситуации отсутствия работы // Экономическая социология. 2000. № 1. С. 37–47.

⁶⁰ Доманьский Х. Появление в Польше меритократии.

⁶¹ Poland: International Economic Report 2000/2001. Warsaw: Warsaw School of Economics, 2001. P. 160.

⁶² Доманьский Х. Появление в Польше меритократии. С. 31–32.

⁶³ Различия между интеллигентами и крестьянами, а также между рабочими и крестьянами значимы по χ^2 при $p < 0,01$.

⁶⁴ Напомним, что речь идет о субъективном аспекте классообразования и на основании имеющихся данных нельзя делать выводов об объек-

тивных процессах. Кроме того, из разницы между 43% «консistentных» российских и 30% польских предпринимателей нельзя делать вывод о более успешном формировании классового самосознания у нового «старого» среднего класса в России ввиду отсутствия статистической значимости между этими показателями.

⁶⁵ Poland: International Economic Report 2000/2001. P. 160.

⁶⁶ Райт Э. О. Марксистские концепции классовой структуры // Рубеж. 2000. № 15. С. 36–85.

⁶⁷ Коровицьна Н. С Россией и без нее: Восточноевропейский путь развития. М.: Алгоритм, 2003. С. 211.

⁶⁸ У польских предпринимателей распределение по столбцу хотя значимо и отличается от ожидаемого, вряд ли из этой особенности можно делать вывод о том, что оно принципиально отличается от распределений рабочих, крестьян и интеллигенции.

⁶⁹ Коровицьна Н. С Россией и без нее. С. 15–16.